

К СРАВНИТЕЛЬНОМУ АНАЛИЗУ ВЛИЯНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ РАЗЛИЧИЙ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОМ МИРЕ

Автор: О. И. ШКАРАТАН

ШКАРАТАН Овсей Ирмович - доктор исторических наук, профессор Государственного университета - Высшей школы экономики.

Общетеоретический аспект проблемной исследовательской ситуации, обусловившей потребность в обсуждении темы статьи, связан с тем, что в современной науке усиливается интересная, дающая толчок к развитию социальной теории дискуссия об интерпретации трансформационных процессов в странах европейского и евразийского ареалов. Выделяются два основных подхода.

Согласно одному из них, эти трансформационные процессы протекают в основном однолинейно, в соответствии с логикой внутренне детерминированного перехода от нерыночной экономики к рыночной. Этот подход весьма популярен в академических кругах. Ведь и за марксистским, и за либеральным отрицанием мультилинейности исторического процесса скрывается общеизвестная гегелевская схема "ступенчатого" развития истории к единому для всего человечества идеалу. Это относится, прежде всего, к марксизму с его теорией сменяющихся социально-экономических формаций - от рабовладения вплоть до "рая на Земле", теоретической утопии коммунизма. Типичной для марксистского миропонимания была идея унитаризма, линейного развития человечества с различием народов и стран лишь по уровням развития.

Ничем в этом отношении не отличается и либерализм. Он также признает безальтернативность пути развития - от традиционного общества к частнособственническому, буржуазному, или (по Ф. Фукуяме) - от родоплеменного к рабовладельческому, от последнего - к теократическому, и, наконец, - к венцу исторического пути человечества - демократически-эгалитарному. При этом, страны и народы оцениваются как находящиеся в разных "эшелонах" (на разных ступенях) движения к единому идеалу - универсальной западной демократии и либеральному капитализму.

Либеральный унитаризм в той его версии, которая проповедуется американской властно-олигархической элитой, предполагает мир как систему цивилизационной

Статья подготовлена при поддержке Инновационной образовательной программы Государственного университета - Высшая школа экономики - грант N 06 - 05 - 0007 "Социально-экономическое неравенство в современной России" и индивидуального исследовательского гранта Научного фонда ГУ-ВШЭ N 06 - 01 - 0082 "Выделение гомогенных групп в социальной структуре российского общества (на материалах представительных опросов экономически активного населения 1994, 2002, 2006 гг.)". Представительный опрос 2006 г., материалы которого использованы в статье, проведен при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант N 06 - 03 - 18010е "Становление новой системы стратификации и изменения в характере социального воспроизводства в современном российском обществе").

иерархии, где США выступают в роли управляющего субъекта, а основная часть народов - как объект управления и вечная периферия мир-системы. При этом страны мира делятся на "эшелоны" как ушедшие вперед, так и следующие в фарватере, стремясь догнать находящихся впереди. Правда, "догнать" у подавляющего большинства так и не получается.

Представляется, что и марксистский, и либеральный унитаризм с их безальтернативностью эволюции человечества, игнорированием взаимодействия общего и особенного в истории далеко не бесспорны. Не прошло и десяти лет после публикации знаменитой статьи, манифеста торжествующего либерализма "Конец истории?" Ф. Фукуямы [1], как жизненные реалии поставили под сомнение справедливость идеи полной победы западной демократии. Суть сводится к раскрытию взаимосвязи сущностных черт социально-экономических систем с системообразующими элементами цивилизаций разного типа (институты, ценности). И здесь нельзя не вспомнить все чаще подтверждающийся прогноз профессора С. Хантингтона о неизбежном столкновении все более спланированных цивилизаций [2; 3]. Глубокий разбор этой ситуации и первых этапов борьбы массовых движений против "нового глобального порядка" проведен М. Кастельсом в его, к сожалению, не переведенной на русский язык монографии "The Power of Identity" [4].

Однако идее "однолинейности", по крайней мере, со времен Н. Я. Данилевского [5], противостоит идея "рядоположенности" цивилизаций, обладающих как универсальными, так и специфическими целями и критериями успешности воспроизводства своей жизнедеятельности (не всегда выраженного в развитии). Признание параллельного развития стран разной цивилизационной принадлежности не означает отрицания универсальности технологий жизни в самом широком смысле этого понятия. Институциональные и ценностные системы, задающие саморазвитие социальным организациям, свойством универсальности не обладают (эти идеи обсуждаются автором в ряде публикаций [6]).

Очевидное широкое разнообразие трансформационных процессов в странах европейского и евразийского ареалов не может быть адекватно объяснено в рамках одно-векторной детерминистской модели. Это разнообразие во многом обусловлено глубинными цивилизационными различиями стран, осуществляющих трансформации, а не вызвано ситуативными расхождениями в проводимой политике. Соответственно, эти цивилизационные различия должны быть обстоятельно изучены.

С точки зрения мультилинейного подхода, в современном мире сосуществует несколько основных цивилизаций, качественно различающихся по институциональным и ценностно-нормативным характеристикам. Эти цивилизации сопряжены с доминирующими религиозными течениями. Применительно к Центрально-Европейскому, Южно-Европейскому, Евразийскому ареалам (посткоммунистические страны, находящиеся в состоянии трансформации) - это католицизм, протестантство, православие, мусульманство. Складывающаяся в этой связи нынешняя социально-экономическая, социально-политическая ситуация в странах этих ареалов существенно различна в целом ряде отношений.

Признание полилинейности протекания трансформационных процессов в посткоммунистическом мире во многом объясняет расхождение в характере развития, результативности проведенных либеральных реформ в странах, казалось бы, стартовавших со сходных позиций. К тому же, как показывают наблюдения за реалиями этого мира, в их рамках возможна реставрация архаических форм социальной организации общества или складывание достаточно устойчивых гибридных форм (как симбиоза заимствованных новых и автохтонно воспроизводимых старых форм) этой социальной организации. На наш взгляд, было бы плодотворным в рамках развития теории трансформационных процессов найти решающие аргументы в поддержку или опровержение каждого из названных подходов, одновекторного и мультилинейного, первоначально и на каждом этапе самого исследования, дав обоим равные шансы и равное "право голоса".

Я придерживаюсь второго из названных подходов, т.е. исхожу из предположения, что трансформационные процессы в странах европейского и евразийского ареалов про-

текают полилинейно, что не укладывается в рамки господствовавшей ранее и весьма влиятельной и поныне "однолинейной" детерминистской концепции перехода от нерыночной экономики к рыночной. Для социальных акторов реформ это нередко создает трудности уже на стадии предварительной ориентации в той реальности, которую предстоит изменять, в выработке согласованной позиции относительно складывающейся социально-экономической ситуации. Тем большие трудности возникают во взаимодействии с международными структурами. Попытки достичь консенсуса в анализе исходной реальности, на основе которого должны планироваться преобразования и осуществляться взаимодействия, зачастую оказываются безуспешными. В этой связи, наше основное предположение заключается в том, что названное разнообразие во многом обусловлено глубинными цивилизационными, а не ситуативными политическими, различиями стран, осуществляющих трансформации. Соответственно, эти цивилизационные различия должны быть обстоятельно изучены.

Хотелось бы сразу подчеркнуть, что нет надобности возводить непреодолимые преграды между этими двумя подходами. Мы можем рассуждать лишь в пределах определенного исторического горизонта, измеряемого жизнью нескольких ближайших поколений. Нет смысла ломать копыта по поводу будущего за пределами нашего столетия. И мы не можем при таком подходе игнорировать опыт предыдущих столетий, закреплённый во вполне проверяемых источниках.

Напомню, что странам Центральной и Восточной Европы этакратизм был навязан со стороны СССР. При этом особое сопротивление новой системе оказали народы тех стран, которые обладали большим опытом рыночной экономики, гражданского общества, правового государства. Все они принадлежали к католической и протестантской христианским культурам. В то же время этакратизм вполне добровольно и самостоятельно произрастал в государствах, не знавших зрелых буржуазных отношений, шедших другим историческим путем, чем Европа, - в России и Китае, Вьетнаме и Монголии, что подтверждает неслучайность его возникновения.

Согласно мнению выдающегося английского историка XX в. А. Тойнби, Россия "есть часть общемирового незападного большинства". Русские никогда не принадлежали к западному христианству. "Восточное и западное христианство всегда были чужды друг другу, антипатичны и часто враждебны, что, к несчастью, мы и сегодня наблюдаем в отношениях России с Западом, хотя обе стороны находятся в так называемой постхристианской стадии своей истории" [7]. Подводя определенный итог суждениям о российской цивилизации, С. Хантингтон писал: "Некоторые ученые выделяют отдельную православную цивилизацию с центром в России, отличную от западного христианского мира по причине своих византийских корней, двухсот лет татарского ига, бюрократического деспотизма и ограниченного влияния на нее Возрождения, Реформации, Просвещения и других значительных событий, имевших место на Западе" [3, с. 56].

Следует заметить, что наши соотечественники, под влиянием массовой атаки mass media в конце 1980-х - начале 1990-х годов о принадлежности России к европейской, западной цивилизации, при колебаниях в оценках западного образа жизни, устойчиво предпочитали ориентацию на традиции и особенности России, на глубоко изученный национальный исторический опыт в противовес следованию "чужим образцам". Согласно данным опроса, проведенного фондом "Общественное мнение" в 2005 г., лишь 5% респондентов сочли, что культура и ценности европейцев и россиян не различаются, 21% полагал, что различия невелики, но 63% поддержали позицию о существенном различии между европейцами и россиянами по культуре и ценностям. На вопрос "В какой мере для России подходит западный вариант общественного устройства?" в опросе, проведенном ВЦИОМ (Ю. А. Левада) в 2000 г., признали этот вариант универсальным образцом всего лишь 4% респондентов, а совершенно или не вполне подходящим сочли его 67% граждан [8].

По данным специалиста по России С. Уайта (университет Глазго), опиравшегося на материалы представительных опросов 2005 - 2006 гг., даже в сопоставлении с жителями Белоруссии и Украины русские гораздо в большей степени являются сторонниками сво-

его собственного пути развития (59% против 49% и 49% соответственно у украинцев и белорусов). Сторонниками общего с европейскими странами пути развития являются 25% русских, 31% украинцев и 40% белорусов. Кстати говоря, и в ответах на вопрос о том, должно ли государство нести ответственность за благополучие домохозяйств, большинство белорусов, в отличие от русских, оказалось приверженцами той точки зрения, что ответственность должна лежать на самом домохозяйстве. В то время как большая часть населения России сожалеет о распаде СССР, белорусы и украинцы менее чем в половине случаев сожалеют о распаде СССР и реже поддерживают идею о создании единого государства на территории СНГ [9].

Второй аспект проблемной ситуации, тесно взаимосвязанный с первым, касается обнаружившихся тревожных тенденций в развитии ряда стран рассматриваемого ареала, суть которых состоит в репродукции (реставрации) социально-экономических и политических порядков "социалистического" прошлого. На наш взгляд, весьма актуально наличие/отсутствие в странах европейского и евразийского ареалов, осуществляющих трансформацию, общественной рефлексии на эти реставраторские тренды и целенаправленной нейтрализации даже зародышевых форм этакратической репродукции в механизме воспроизводства общественных структур и институтов.

Многие из критиков реформ 1990-х годов, да и последующих акций руководства России проводят сравнения акций федерального руководства страны с действиями руководства стран ЦВЕ и Китая. Отмечаются просчеты и ошибки при проведении макроэкономической стабилизации, во внешнеэкономической политике, проведении приватизации, разрушение технологических цепочек в связи с дроблением предприятий на более мелкие производственно-хозяйственные единицы и т.д. Я добавил бы к этому перечню отсутствие в России к началу преобразований (в отличие от многих стран ЦВЕ) контроллиты, слабость социальной базы либеральных и демократических реформ, отсутствие навыков гражданской самоорганизации, жизни в условиях правового государства, частной собственности. Все это - правда, и этот перечень может быть бесконечно длинным, но интеллектуалы любой другой страны, переживающей трансформацию, могут составить не менее длинный список ошибок и просчетов своего руководства. Поэтому возникает вопрос о том, одни ли и те же глубинные и латентные факторы определяли одни и те же лежащие на поверхности действия.

В основу анализа конкретной исторической ситуации в постсоветской России нами положена концепция, согласно которой общественное устройство современной России рассматривается как прямое продолжение существовавшей в СССР этакратической системы, исторические корни которой уходят в многовековую историю страны - носительницы евроазиатской православной цивилизации, не знавшей устойчивых институтов частной собственности, рынка, правового государства, гражданского общества. Первооснову социально-экономических отношений в СССР составляли отношения типа "власть-собственность", социальная дифференциация носила неклассовый характер и определялась рангами во властной иерархии.

Концепция этакратизма как объяснение природы обществ советского типа находит поддержку со стороны крупных аналитиков современного мира. Так, М. Кастельс пишет: "В XX в. мы жили, в сущности, при двух господствующих способах производства: капитализме и этатизме... При этатизме контроль над экономическим излишком является внешним по отношению к экономической сфере: он находится в руках обладателей власти в государстве (назовем их аппаратчиками или, по-китайски, линг-дао). Капитализм ориентирован на максимизацию прибыли, т.е. на увеличение объема экономического излишка, присвоенного капиталом на основе частного контроля над средствами производства и распределения. Этатизм ориентирован (был ориентирован?) на максимизацию власти, т.е. на рост военной и идеологической способности политического аппарата навязать свои цели большому количеству подданных на более глубоких уровнях их сознания" [10].

После распада СССР в России, в отличие от большинства восточно-европейских стран, не произошло коренного поворота в сторону конкурентной частнособственниче-

ской экономики. Присущие этакратическому обществу слитные отношения "власть-собственность" получили частнособственническую оболочку, но по существу остались неизменными. Таким образом, есть веские основания предположить, что в постсоветской России сохранился в преобразованном виде этакратизм, который приобрел форму государственно-монополистического корпоративистского квазикапитализма, а не демократического, социально ориентированного капитализма как, скажем, в Чехии, Польше, Словении, Эстонии, Литве. В этой социально-экономической системе сложился своеобразный тип социальной стратификации в виде переплетения сословной иерархии и элементов классовой дифференциации, устойчиво воспроизводящийся в течение последних лет. Подобным же образом продолжила себя советская социально-политическая система как государственно-номенклатурная. Хотя и в меньшей степени, эта проблема остра и для ряда других европейских постсоциалистических стран [11].

Система псевдосоциалистических стран имела свое ядро, полупериферию и периферию. Ядро - это доминирование "чистых форм" этакратизма - стейтизм. Периферия - резкое ослабление черт этакратизма, навязанного вооруженными силами этакратического СССР, с сохранявшимися все время в той или иной степени присущими Западу экономическими институтами, ценностями и социальными нормами. К ядру мы относим большую часть республик бывшего СССР (без Балтии и Украины); к полупериферии - Болгарию, Румынию, Сербию, Украину и т.д.; к периферии - Польшу, Венгрию, Чехию, Словению, Литву, Латвию, Эстонию и т.д.

Сам географический охват "социализмом" совпадает: а) с регионом вторичного закрепощения крестьянства на западе этого ареала (Пруссия, Польша, Венгрия и т.д.) и б) с регионом длительного господства государственного (азиатского) способа производства в евразийской (восточной) части этого ареала. В последнем столетии отсутствовали как значимые частнособственнические отношения и доминировали отношения "власть - собственность". В этих обществах нет классов, нет гражданских отношений и т.д. Другими словами, к этим обществам (Россия, Закавказье, Средняя Азия) неприменимы теории и категории, объясняющие структуру и генезис западных обществ.

Итак, при анализе специфичности постсоветского развития России мы исходим из выдвигаемого и обосновываемого нами положения, что именно советская Россия выступала ядром этакратического ареала на протяжении всех лет существования "социалистической" системы. Это сказывается и поныне на ее развитии.

Уже в начале 1990-х годов многим вдумчивым наблюдателям было очевидно, что "роды" демократической власти именно в России случились преждевременно, при неготовности демократов организовать управление, сформировать институты исполнительной власти. Не случайно, что контрольные позиции в процессе принятия решений и их осуществления достаточно быстро заняли именно представители динамичной части советской номенклатуры, возглавленной Ельциным и Черномырдиным + К^о (Петров, Шумейко, Скоков, Лобов и т.д.). Вчерашние секретари обкомов КПСС, офицеры КГБ оказались в ближнем окружении президента. Через несколько месяцев они заняли позиции вице-премьеров и министров, руководителей администрации президента.

Символичным стал приход в качестве утвержденного парламентом и полностью поддержанного президентом премьер-министра страны В. С. Черномырдина. Это был крупный советский чиновник, в прошлом член ЦК КПСС, министр нефтяной и газовой промышленности СССР, однозначно показавший себя сторонником приватизации государственной собственности в пользу номенклатуры.

Сама природа того общества, из которого вышла перестройка и последующие реформы, такова, что социальные слои образовывали некоторые размытые множества, у которых не было даже в интенции осознания своих групповых интересов, специфических ценностей, единства образа жизни. Исключение составляла властвующая элита, которая обладала групповыми признаками, включая самоидентификацию. Поэтому именно элита (этакратия, номенклатура), а совсем не интеллигенция (как пишут некоторые авторы), оказалась локомотивом социальных изменений. Сложившееся к концу 1980-х годов соотношение сил сделало неизбежным захват номенклатурой контроль-

ных позиций в приватизирующейся экономике. Это был единственный путь мирного решения вопроса о собственности.

Реальным приоритетом нового постсоветского режима была политика по концентрации ресурсов нации в руках незначительного меньшинства. Решающую роль здесь сыграли: скоростная приватизация, которая практически подарила правящей номенклатуре, в первую очередь, ближнему президентскому кругу, иностранному капиталу (зачастую скупавшему предприятия, чтобы прекратить конкурентное производство), "теневикам" и криминалитету громадную государственную собственность. Эта приватизация прошла два основных этапа - ваучерный и залоговых аукционов. И если проведение первого этапа можно объяснить неопытностью правительства, скоротечными событиями 1992 - 1993 гг., то залоговые аукционы - это в чистом виде осознанные акции по формированию внеконкурентного политикообразующего крупного бизнеса, носящего компрадорскую направленность.

Почему такой, в отличие от стран ЦВЕ и Балтии, была расстановка социально-политических сил в России? В советской России только административно-командная номенклатура имела осознанные интересы и обладала всеми чертами социального слоя, включая самоидентификацию. Номенклатура не могла не действовать в своих социально-групповых интересах. А интересы эти сводились к проведению только тех реформ, при которых она оставалась хозяином страны и даже укреплялась в этой роли. В ходе реформ номенклатура сохранила контрольные позиции во власти, закрепила за собой в процессе приватизации преобладающую часть государственной собственности. Были сорваны все попытки проведения неноменклатурной, не контролируемой политически властвующими группами приватизации. К выгоде политикообразующего бизнеса были законсервированы отношения неполной приватизации, непрозрачности отношений собственности.

Как откровенно и точно высказался Ельцин в августе 1992 г.: "В сентябре-октябре (1991 г.) мы прошли буквально по краю, но смогли уберечь Россию от революции" (Российская газета. 1992, 20 августа). Другими словами, для того, чтобы добиться такого "успеха", правящие круги переломили демократическую активность масс, удержали Россию от демократической революции, наподобие тех, что прошли в Венгрии, Польше, Чехии, странах, вставших на путь капиталистического и демократического развития. Вернемся в этом контексте к событиям 1991 - 1993 гг., которые в исторической ретроспективе могут быть оценены как точка бифуркации. По форме они выглядели как захват власти буржуазией (или протобуржуазией). Лидерами выступали группы неолибералов во главе с А. Чубайсом, П. Авенсом, А. Кохом, К. Кагаловским и другими молодыми неопитами, зачислявшими себя в стан демократов. Отечественные неолибералы своими героями и моделями политического поведения видели М. Тэтчер и чилийского диктатора генерала А. Пиночета. Так что демократами они именовали себя безо всяких на то оснований. Воспользовавшись неопределенностью в расстановке сил в ходе противостояния президента и парламента в августе - октябре 1993 г., неолибералы вооруженной рукой разгромили (разогнали) Московский, Петербургский и районные советы этих городов, средоточие неорганизованных и неопытных демократов. Однако процесс пошел даже не в сторону прихода к власти термидорианской буржуазии. Проблема была в доминирующей линии развития. Неолибералы и "назначенные олигархи" были использованы властными структурами, контролируемые вчерашней советской номенклатурой, для укрепления позиции этой восставшей из руин советской системы властвующей элиты. Одни из неолибералов даже пополнили номенклатурные ряды, другие послужили "кошельками" для подлинных хозяев страны на переходный период, т.е. до прихода к руководству России В. Путина и выходцев из силовых структур.

Социальным союзником номенклатуры выступил на раннем этапе реформирования страны теневой капитал и криминальные группировки. Нельзя забывать о гигантских масштабах теневой экономики в бывшем СССР, в которой к концу 1980-х годов было задействовано (по разным расчетам) 20 - 30 млн. человек как полностью (до 3 млн.), так и, по большей части, от случая к случаю. Слои предпринимателей, действовавшие в

этом секторе экономики, богатели за счет спекуляций, хищения сырья и готовой продукции. Все быстро вырвавшиеся, начиная с 1987 г., новые формы экономической активности (кооперативы, малые и совместные предприятия и т.д.) создавались почти исключительно для торгово-посреднической деятельности. В них-то и легализовались хозяева и хозяйчики прежней теневой экономики.

По мнению профессора Кембриджского университета Д. Лэйна, в России 1990-х годов проводилась неолиберальная политика "в масштабе, беспрецедентном даже для англоамериканского капитализма". Результат: "Капитализм как экономическая система, которая систематическим образом поддерживает накопление капиталов, не был установлен (подчеркнуто мною. - **О. Ш.**). ...Сети личных связей, имеющих отраслевую, региональную и бюрократическую основу, определяют результаты деятельности в большей степени, чем рыночная активность" [12]. К этому можно добавить суждение М. Кастельса, который оценил времена Ельцина как "бесконечный переход от сюрреалистичного социализма к нереальному капитализму" [13].

Известный американский экономист М. Голдман выпустил в 2003 г. (русское издание 2005 г.) книгу под характерным и недвусмысленным названием "Пиратизация России". Компаративный анализ на основе данных по Чехии, Польше, Китаю приводит автора к выводу об уникальности трагического российского эксперимента над страной и людьми, явившегося результатом ошибочных решений, принятых на основании фальсифицированных оценок ситуации в стране. И американские советники, и российские реформаторы "двинулись создавать владельцев частной собственности". Не было учтено, что 70 лет коммунистического режима "создали окружающую среду, которая была враждебна и способна исказить любой процесс приватизации". В это время и вышли на поверхность почти все новые русские миллиардеры, которых, по его мнению, "объединяет одна общая черта, отличающая их от миллиардеров каких-либо других стран. Богатство всех, кроме разве что двоих-троих, появилось почти целиком в результате присвоения того, что еще каких-то десять лет назад принадлежало государству" [14].

Сказанное объясняет (или претендует на объяснение) различия между Россией и странами ЦВЕ и Балтии. Но как быть с различиями между успешным Китаем и не столь благополучной Россией? Обратимся к мнению специалистов по Китаю. Я. М. Бергер в своей статье "Реформы в Советском Союзе и в Китае" отмечает, что было бы нелепо отрицать различия в социокультурных предпосылках для движения китайского и российского обществ по тому пути, который выбрала для них своя политическая элита. В отличие от многих других авторов, Бергер считает, что эти различия не носят принципиального характера. По его мнению, расхождение траекторий развития определялось не спецификой азиатско-китайской ментальности или традициями конфуцианства, а характером проведения рыночных реформ. В Китае для этой цели решительно использовали все возможности авторитарного государства, а у нас они были без всякой пользы утрачены. Наши либералы настояли на проведении экономических реформ "по шоковому варианту, совершенно не совместимому с идеей какой бы то ни было социальной справедливости, даже в перспективе... хотя основными плодами реформ в Китае, как и в России, воспользовались чиновники и олигархи, тем не менее, в Китае значительные выгоды получила и основная масса населения, на первых порах преимущественно сельского, а в дальнейшем - главным образом городского... В России на фоне значительно более широкой политической демократизации... бюрократизация и коррупция абсолютно доминируют над либерализацией экономики, в Китае же не меньшая бюрократизация и коррупция служат все же приложением к достаточно свободному развитию рыночной экономики...". Далее Бергер отмечает смещение акцентов в последние годы в Китае в сторону идеи создания "гармоничного общества", усиление акцента на социальной справедливости как непременном условии стабильности общества и легитимности власти [15].

Другие авторы особое внимание уделяют не только вековым традициям и сложившимся ценностно-нормативным системам, но и присутствию в Китае (в отличие от России) долгосрочной стратегии развития и определения своей роли и характера участия в

процессах глобализации на период до 2050 г. [16]. Близкую позицию при сравнительной оценке трансформационных процессов в России и Китае занимает известный экономист академик В. М. Полтерович. Китайские реформаторы в противоположность российским выбирали в качестве стратегий перспективные институциональные траектории. В России же вместо научно обоснованного сопоставления множества вариантов с позиций институциональной динамики ограничились "наивной дилеммой "шоковая терапия - градуализм"". Это, по мнению автора, объясняет различия в результатах реформ [17].

Природа сложившейся в постсоветской России социально-экономической системы - этакратизм в новой фазе его развития. Что касается постэтакратизма, то в нем господствует принципиально другой тип собственности. Ее называют "приватизированной", что по смыслу слова является синонимом "частной", однако она представляет собой вполне оригинальное явление и по ряду существенных признаков совершенно ей противоположна. Частная собственность носит производительный, созидательный характер. Частным здесь является не только присвоение собственности, но и ее производство. При этом нормой является преобладание производства над присвоением. В современной России принцип "частности" действует в основном в сфере присвоения, которое отнюдь не лимитировано производством. Через присвоение приватизаторы, как правило, овладели ресурсами, в создании которых они не принимали никакого или почти никакого участия: имущество, накопленное трудом многих поколений, природные ресурсы, бюджетные средства.

Капиталистическая частная собственность универсальна. Она является достоянием всех - будь то хотя бы собственность на свою рабочую силу, свои интеллектуальные способности, свое жилище и т.д. "Приватизированная" собственность - достояние немногих. Как и ее предшественница, корпоративная собственность советской номенклатуры представляет собой сословную привилегию правящего слоя. Современный капитализм и новый российский строй не просто далеки друг от друга - они антиподы.

Деграция малого и среднего бизнеса, постоянное игнорирование прав профессионалов на интеллектуальную собственность, незащищенность труда - главной собственности рабочих - не просто случайные факты. Они являются не ошибками государственной политики, а органичной чертой экономической системы, либеральной по форме и государственной по содержанию, с ограниченной независимостью частных бизнесменов.

Устойчивость этакратических отношений отражена в функционировании институтов собственности, где отношения "власть-собственность", весьма характерные для данного типа общества, проявились в новой оболочке. В годы правления Путина окончательно сформировались новые доминирующие модели поведения, характерные для нового этапа в развитии отношений "власть-собственность" и "приватизированной собственности". Одним из таких явлений можно назвать возникновение компаний с преимущественно государственными активами и миноритарными акционерами. Это так называемое частно-государственное партнерство. Привлечение частного капитала (часто символическое) используется этими корпорациями для управления огромными активами стоимостью в десятки и сотни миллиардов долларов без какого-либо контроля со стороны формального владельца - российского народа, чьи интересы должна представлять Дума или правительство. Абсолютный контроль над подавляющей частью национального богатства (другими словами, его присвоение) сосредоточен в руках государственных чиновников и их исполнительных директоров - менеджеров этих корпораций [18].

Либерализованная экономика постсоветской России на данном этапе развития приобрела неадекватную архаическую социальную и политическую "оболочку". Важность этого положения может быть прокомментирована на примере специфических трудностей, переживаемых современной Россией в ходе процессов трансформации. Характерно следующее высказывание известного американского социолога М. Буравого по поводу переходного периода в Китае, а также в Центральной и Восточной Европе: "Примечательным в дискуссии было то, что никто не представлял пример России, который, с моей точки зрения, является примером провала реформ. Все говорили о примере

Таблица 1

Динамика социальной стратификации в России по результатам представительных опросов 1994, 2002, 2006 гг. (самооценка, в % по столбцу)

Социальные слои	1994	2002	2006
Предприниматели	2,6	4,4	4,0
Управляющие и чиновники высшего звена	1,3	0,7	0,9
Управляющие и чиновники среднего звена	1,3	1,6	1,6
Управляющие и чиновники низшего уровня	7,5	7,2	7,6
Высококвалифицированные профессионалы	8,2	3,5	4,2
Профессионалы с высшим образованием	18,6	14,3	12,5
Работники со средним специальным образованием	19,1	14,1	11,7
Технические работники (в сферах бытовых услуг и организации управления)	3,5	10,9	9,8
Квалифицированные и высококвалифицированные рабочие	25,2	26,8	32,4
Не- и полуквалифицированные рабочие	12,7	16,7	14,1
Самозанятые	-	-	1,2

Румынии или Болгарии. Но ведь провал-то случился не у них. Думаю, люди должны будут переосмыслить свои теории в свете российского опыта. ...Однако анализ России, похоже, не интегрирован в социологию и особенно в экономическую социологию, как, например, анализ Китая. Россия всегда стояла особняком, рассматривалась скорее как исключение. Но мне кажется, что социология только выиграла бы, если бы она включила в сферу своих исследований этот крайний случай - со столь необычной, уникальной историей. Конечно, это не подразумевает сведения российского опыта к некоей общей теоретической схеме" [19].

Обратимся к данным эмпирических исследований, иллюстрирующим социальные процессы в современной России, которые связаны с социальной стратификацией и распределением собственности. Как следует из данных представительных опросов 1994, 2002, 2006 гг.*, можно обратить внимание на некоторые подвижки в рассматриваемой социально-профессиональной структуре (табл. 1). (Более полные данные по этому вопросу см. в: [20]). Во-первых, в период с 1994 г. по 2002 г. наблюдалось некоторое увеличение доли предпринимателей, после чего к 2006 г. она стабилизировалась и вышла на крайне низкий уровень - 4%. Полученные нами данные об удельном весе этой группы населения подтверждают вывод. Также бросается в глаза резкое снижение доли высококвалифицированных профессионалов после 1994 г. (практически в два раза), связанное с масштабной иммиграцией работников интеллектуального труда в развитые страны в период нестабильной экономической ситуации в стране (масштабы, характер и причины этой миграции профессионалов подробно рассмотрены в монографии профессора Anne de Tinguy "La grande migration. La Russie et les Russes depuis l'ouverture du rideau de fer" [21], частично переведенной [22]). Не меньший урон был нанесен этому слою и так называемой внутренней миграцией.

Заслуживают обсуждения и данные о динамике и доле в составе работающего населения основной массы профессионалов (учителей, врачей, инженеров), относящихся по большей части к так называемым бюджетникам. Доля этой социально-профессиональ-

* Опросы проведены с применением одного и того же инструментария, по одной и той же схеме выборки и по одному и тому же объекту - населению Российской Федерации. Массовый опрос, охвативший 2500 человек, выполнен в ноябре - декабре 2006 г. на федеральной сети Центра социального прогнозирования. Он проводился по квотной выборке, которая обеспечивала представительность по половозрастным характеристикам, образованию и типам поселений. В качестве основного географического критерия выбрано территориально-экономическое деление РФ.

Таблица 2

Владение собственностью в разрезе социальных слоев (самоидентификация, в %)

Социально-профессиональные группы	Доля владеющих фирмой/предприятием			Доля имеющих ценные бумаги (кроме ваучеров)			Доля владеющих недвижимостью*		
	1994	2002	2006	1994	2002	2006	1994	2002	2006
Предприниматели, коммерсанты	42,6	57,0	82,6	20,5	4,7	21,8	29,2	76,7	87,5
Управляющие высшего звена и чиновники	12,0	28,6	38,1	31,4	14,3	45,0	20,0	64,3	71,4
Управляющие среднего звена	9,0	12,5	8,3	41,5	12,5	11,1	30,8	62,5	82,9
Высококвалифицированные профессионалы	5,6	3,0	6,2	27,8	9,0	11,3	10,5	56,7	70,7
Профессионалы с высшим образованием	6,9	3,3	2,1	18,9	8,7	8,5	30,5	60,5	83,0
Технические работники (в сферах бытовых услуг и организаций управления)	3,6	2,9	1,8	23,2	3,3	3,2	19,6	48,1	75,9
Квалифицированные рабочие	3,9	0,6	1,6	20,0	8,0	5,0	29,2	51,2	77,0
Полуквалифицированные рабочие	10,1	0,7	1,4	27,2	4,7	2,8	30,1	50,2	72,3
Работники квалифицированного и малоквалифицированного труда в сельском хозяйстве	3,4	2,3	5,8	16,6	13,6	4,3	55,8	52,3	83,1

Примечание: В таблицу 2 не включены следующие социально-профессиональные слои: руководители низового звена, работники со средним специальным образованием, высококвалифицированные рабочие и самозанятые.

* 1994 г. - доля респондентов, указавших, что они являются владельцами недвижимости. 2002 и 2006 гг. - доля положительно ответивших на вопрос о том, что их дом/квартира находятся в собственности одного или нескольких членов семьи.

ной группы уменьшалась на протяжении всего постсоветского периода. Эта тенденция может быть продолжена и в дальнейшем.

В связи с некоторым оздоровлением промышленности после значительного спада в начале 1990-х годов наблюдается рост доли квалифицированных рабочих. В целом же можно сказать, что, несмотря на некоторые (некардинальные) изменения, которые социально-профессиональная структура общества претерпела преимущественно в период с 1994 по 2002 гг., в ее развитии по-прежнему не ощущается структурных сдвигов в направлении к информационной экономике, экономике знаний. Кроме того, судя по тому, что после 2002 г. смещения были минимальны (колебания могут быть вызваны присутствием статистической ошибки), можно предположить, что структура практически устоялась.

Если динамика социально-профессиональной структуры российского общества, будучи производной от процессов экономико-технологической модернизации, демонстрирует стабильность и консервативность, то иначе выглядит структура населения в контексте развития института частной собственности. Рассмотрим владение различными типами собственности (табл. 2). Так, в целом довольно схожее распределение доли владеющих предприятиями наблюдается по всем опросам. В существенном отрыве от основной части населения по данному показателю закономерно пребывают "верхние слои", включающие в себя предпринимателей и руководителей высокого уровня. По мере перехода от вершины взятой нами социальной иерархии к более низким группам эта доля существенно снижается. Также заметным является усиление дифференциации в 2006 г. по сравнению предыдущими годами. Примерно аналогичную картину можно наблюдать и при рассмотрении доли владеющих ценными бумагами. В глаза бросается "проседание" данного показателя, произошедшее в период с 1994 г. по 2002 г., что объяснимо в связи с подорванным доверием населения к российским банкам и государству после дефолта 1998 г. При этом характерно, что "восстановить" утраченное доверие удалось лишь представителям "верхних слоев", что заметно усилило разрыв по этому показателю с остальными социальными группами.

Значимых различий в доле владеющих недвижимостью между социально-профессиональными слоями нам в ходе опросов обнаружить не удалось. Как следует из таблицы 2,

к 2006 г. подавляющая часть населения в той или иной степени превратилась в собственников недвижимого имущества (по крайней мере, собственного дома или квартиры), поэтому продолжить анализ неравенства по данному показателю необходимо с помощью исследования состава и качества недвижимости, которую респонденты декларируют как собственную.

В целом, данные о владении/совладении фирмой или предприятием, также как и о наличии в собственности ценных бумаг, демонстрируют активный процесс концентрации собственности в руках высших и высших средних групп. Напоминаем, что в нашем опросе не представлены элитные группы.

Россия как бы осталась в советском времени и пространстве, если брать в основу анализа латентные характеристики и доминирующие социально-экономические структуры, хотя и позаимствовала в процессе постсоветской трансформации многие атрибуты частнособственнической экономики и демократической организации общества. Крах коммунистической системы в России привел к переходу специфической евразийской цивилизации, сущностно отличной от европейской (атлантической) по институциональной структуре и системе ценностей, на новый этап ее эволюции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. N 3. С. 134 - 148.
2. Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Summer 1993.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. М.: АСТ, 2003.
4. Castells M. The Power of Identity // Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. II. Oxford: Blackwell Publishers, 1997.
5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. М.: ЭКСМО; АЛГОРИТМ, 2003.
6. Шкаратан О. И. Перспективы России: линейность vs вариативность мирового развития // Мир России. 2002. N 3; Шкаратан О. И. Российский порядок: вектор перемен. М.: Вита пресс, 2004.
7. Тойнби А. Россия и Запад / Он же. Цивилизация перед судом истории. Сборник. СПб.: ЮВЕНТА, 1995. С. 156.
8. Дубин Б. Запад для внутреннего употребления // КОСМОПОЛИС. 2003. N 1(3). С. 137 - 153.
9. Уайт С. Прошлое и будущее: тоска по коммунизму и ее последствия в России, Белоруссии и Украине // Мир России. 2007. N 2. С. 40 - 46.
10. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / Пер. с англ. под ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. С. 38.
11. Шкаратан О. И. Ильин В. И. Социальная стратификация России и Восточной Европы. Сравнительный анализ. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006.
12. Лэйн Д. Преобразование государственного социализма в России: от "хаотической" экономики к кооперативному капитализму, координируемому государством? // Мир России. 2000. N 1. С. 15 - 16.
13. Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество // Мир России. 2000. N 1. С. 46.
14. Голдман М. Пиратизация России. Российские реформы идут вкривь и вкось: Пер. с англ. В. И. Супруна. М.: Фонд социопрогностических исследований "Тренды", 2005. С. 115 - 157; 376 и др.
15. Бергер Я. М. Реформы в Советском Союзе и Китае // Пути России: двадцать лет перемен. 2005 / Под ред. Т. Е. Ворожейкиной. М.: МВШСЭН, 2005. С. 68 - 70.
16. Гельбрас В., Кузнецова В. Китайский сценарий для России / Россия между вчера и завтра. Книга первая. Экспертные разработки / Под редакцией В. В. Преображенского и Д. В. Драгунского. М.: Клуб 2015, 2003. С. 213, 217 - 219.
17. Полтерович В. М. Стратегии институциональных реформ. Китай и Россия // Экономика и математические методы. 2006. Т. 42. Вып. 2.
18. Илларионов А. Н. Победа ГЧП // Новая газета. 2006. N 57. 31 июля - 02 августа. С. 16 - 17.
19. Экономическая социология. Автопортреты / Отв. ред. Радаев В. В., Добрякова М. С. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006. С. 37 - 38.
20. Шкаратан О. И., Ястребов Г. А. Социально-профессиональная структура и ее воспроизводство в современной России. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. Предварительные итоги представительного опроса экономически активного населения России 2006 г. Препринт WP7/2007/02. Серия WP7: теория и практика общественного выбора.
21. De Tinguy A. La grande migration. La Russie et les Russes depuis l'ouverture du rideau de fer. Paris, Plon, 2004.
22. Де Танги А. Миграции российских квалифицированных специалистов: причины, проблемы, перспективы // Мир России. 2007. N 1.